

ТРАНСФОРМАЦИЯ КОНСТИТУЦИОННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ГОСУДАРСТВА В УСЛОВИЯХ ВЫЗОВОВ СОВРЕМЕННОСТИ

А.В. Блещик, Е.Г. Калинина, С.Э. Несмеянова

Уральский государственный юридический университет, г. Екатеринбург, Россия

Информация о статье

Дата поступления –

7 апреля 2021 г.

Дата принятия в печать –

20 июня 2021 г.

Дата онлайн-размещения –

20 сентября 2021 г.

Ключевые слова

Конституционная идентичность, государственная идентичность, суверенитет, глобализация, интеграция, конституционные ценности, пандемия коронавируса, COVID-19, миграция

Рассматривается доктрина трансформации конституционной идентичности и ее проявление в правоотношениях, складывающихся в условиях вызовов современности: глобализация и антиглобализм, пандемия коронавируса COVID-19, научные достижения, универсализация конституционных ценностей – эти и другие разнообразные факторы предопределяют необходимость трансформации конституционной идентичности или стимулируют ее. Ставится цель провести анализ терминов и понятий, используемых в доктрине конституционной идентичности, наработок ученых разных стран для определения ее конституционно-правовой природы, выявления факторов, обуславливающих изменчивость идентичности. Уделяется внимание взаимодействию международной и национальной политики. Делаются выводы о видах и современных практиках трансформации идентичности различных государств.

TRANSFORMATION OF CONSTITUTIONAL IDENTITY DUE TO CONTEMPORARY CHALLENGES

Aleksandr V. Bleshchik, Ekaterina G. Kalinina, Svetlana E. Nesmeyanova

Ural State Law University, Yekaterinburg, Russia

Article info

Received –

2021 April 07

Accepted –

2021 June 20

Available online –

2021 September 20

Keywords

Constitutional identity, national identity, sovereignty, globalization, integration, constitutional values, coronavirus pandemic, COVID-19, migration

The subject. This article represents an attempt to research the notion of “constitutional identity”, which has recently emerged as a relevant concept in constitutional law, through the prism of its transformation reacting the world’s challenges.

The purpose of the research is to confirm or disprove hypothesis that both typical and extraordinary factors may influence differently on the transformation of constitutional identity.

The methodology. The article is based on the dialectical method, as well as on the logical, historical, systemic methods. A comparative method was applied to study the features of the constitutional identity of States. Authors pay attention to the interaction of international and national policies.

The main results, scope of application. Within the doctrine of constitutional identity it is presented a discussion with respect to terms and definitions of constitutional, state or national identity, constitutional identity of citizens. Moreover, such two notions as “individuality” and “identity” form a curious couple since “identity” may contravene “individuality”. Different factors which can influence on transformation of the constitutional identity, are listed (globalization (antiglobalism), universalization of constitutional values, COVID-19 pandemic, migration, etc.). In particular, different countries choose different models of reflecting the processes of globalization in their domestic constitutional legislation: from striving for unification to systematic confrontation. In this regard, it seems necessary to assess these factors, taking into account the experience of different states. Besides, the activities of international bodies can give rise to the universalization of constitutional values. For example, supranational bodies (in particular, the European Court of Justice) develop general constitutional traditions and principles applicable to all countries for the formation of a spe-

cial common culture. Another example is the current epidemiological crisis. The coronavirus infection has made its own adjustments to the constitutional identity of states. Examples of such transformation are full border closures or partial closures with individual states; amendments to the national legislation, according to which the issues of measures permissible for implementation by the state are being revised in order to ensure the life and health of the population.

Conclusions. Definition the constitutional identity is an important strategic framework for national policy. However, there is no certain fixed constitutional identity of the state. On contrary, the identity of the state tends to be changeable. Transformation can be regarded as voluntary, forced or consciously responsive, expected or not. Voluntary transformation usually becomes a response to the evolutionary development of society, scientific and technological advances and discoveries. Forced transformation is likely to be a reaction to economic, epidemiological, political crises. Therefore, in order to determine the constitutional identity of certain state it is necessary to understand the cultural, historical, social and political contexts of its formation and current development in the conditions of the contemporary world.

1. Введение

Определение конституционной идентичности представляет собой важную стратегическую основу внутригосударственной политики. Известная из истории фраза: «Государство – это Я» – сегодня находит новое прочтение. Государства независимо от формы правления или даже личности главы государства формируют собственное «Я», укрепляют его и являют миру. В силу того, что «Я» государства неразрывно связано с целым комплексом значимых элементов: историей, политикой, культурой, экономикой и др. – каждая страна обладает своей индивидуальностью (идентичностью). К тому же со времен Конвенции Монтевидео 1933 г., которая определила такие базовые элементы правосубъектности государства, как территория, население, органы государства и способность вступать в международные отношения, предполагается, что идентичность должна отражать этнические, идеологические и религиозные вопросы (применительно к населению) в пределах своих границ, а также за их пределами, если речь идет о презентации страны на международной арене. Организация формы правления, системы сдержек и противовесов в каждом отдельном государстве остается важным инструментом построения идентичности.

Это множество составных определяющих ведет к теоретическим дискуссиям, как о ядре понятия, о термине «идентичность» и его встречающихся переводных заменителях «индивидуальность» и «тождественность». Удивительно, но оба термина в разных контекстах выступают антонимами. «Тождественность» может означать полное совпадение свойств, что, казалось бы, по своей сути уже противоречит идее о собственном государственном «Я». Однако такое противоречие не случайно, поскольку «тожде-

ственность» не исключает уникальности государства. Данный термин используется для демонстрации процесса определения государством своей уникальности, но в сравнении с другими странами. Тогда эта «тождественность» порождает учения о правовых системах или семьях, о совпадающей внутригосударственной политике в отношении отдельных вопросов (например, миграции). В конечном итоге «тождественность» может стать результатом вступления страны в наднациональную организацию. Такое участие в наднациональной организации одновременно станет особенностью индивидуальности таких государств на международной арене.

Вместе с тем не меньше интереса вызывают и определения, присваиваемые слову «идентичность» в дискурсах: государственная идентичность, национальная идентичность и конституционная идентичность государства. Разнообразие подходов обусловлено смещением акцентов на разные элементы государства и государственности, переводом научных трудов.

Что делает вопрос еще более дискуссионным, так это его динамика и восприимчивость к различным факторам. Не существует некоего абсолютного фиксированного «Я» государства. Напротив, идентичность государства подвержена беспрестанной трансформации, добровольной или вынужденной. Добровольная трансформация становится, как правило, ответом на эволюционное развитие общества, научно-технические достижения и открытия. Вынужденная трансформация является реакцией на кризисы, в том числе экономические, эпидемиологические, политические.

Совсем не однозначна трансформация идентичности, совершаемая в рамках международно-правовых отношений, поскольку может быть навязанной

государству или же совершаться по его инициативе. В этом ключе наиболее громкими являются суждения о конституционных и национальных ценностях государства, исполнение решений межгосударственных органов, следование рекомендациям международного сообщества, отклонения в толковании прав человека на международном или внутригосударственном уровне, включая определение государством границ таких возможных отклонений и их признание. В частности, закрепляя жизненно важные интересы государства, общества, личности, конкретное государство признает общенациональные и государственные ценности, выделяя среди них территорию, суверенное государство, народ со своей историей и культурой, др. Понимая под ценностями самые значимые, важные блага, характеристики, государства не всегда закрепляют их на конституционном уровне, признавая те ценности, которые установлены международными общепризнанными нормами и принципами. Наличие самых разных конституционных и национальных ценностей делает очевидной идею о том, что теория конституционной аксиологии до сегодняшнего дня не получила должного развития в части определения ценностей, их значения и классификации [1].

Каждый из поименованных проблемных вопросов нуждается в собственном полноценном анализе в контексте вызовов современности.

2. Дискуссия о терминах и понятиях

Осмысление феномена конституционной идентичности в отечественной юридической науке началось относительно недавно. В большинстве своем работы по проблематике конституционной идентичности «датируются, самое раннее, 2016 годом, то есть относятся к периоду, когда это понятие впервые было использовано в практике Конституционного Суда Российской Федерации» [2, с. 63].

Первое, с чем можно столкнуться при попытке определить предметное поле исследования, как отмечалось ранее, это терминологическое разнообразие и неустойчивость применяемой терминологии. Это, разумеется, может свидетельствовать, во-первых, об относительной новизне проблемы государственной и конституционной идентичности и слабой изученности или недостаточной практической разработанности этой темы, а во-вторых, о стремлении в сжатые сроки

присвоить накопленный иной научной (во всяком случае иноязычной) традицией запас знаний.

Самая большая сложность в соотнесении и уяснении смысла понятий «государственная идентичность», «национальная идентичность» и «конституционная идентичность государства» состоит в их внешнем сходстве. Вместе с тем эти понятия совершенно разнопорядковые. На поверхности лежит то, что различие между указанными видами идентичностей обусловлено различием субъектов, носителей этих идентичностей: носителем государственной или национальной идентичности может выступать индивид или социальная группа, тогда как носителем конституционной идентичности государства является собственно государство.

Можно заметить, что некоторое смешение смыслов допускается и председателем Конституционного Суда РФ в программной статье «Конституционная идентичность России: доктрина и практика». В.Д. Зорькин отмечает: «Проблема национальной конституционной идентичности привлекает внимание специалистов прежде всего в контексте двух актуальных для последнего времени тенденций: 1) возрождения и распространения популистской идеологии, охватившей современные развитые общества по всему миру, и 2) противоречия между национальными и наднациональными судебными системами, всё более заметного в разных регионах мира. Популизм связан с кризисом либеральной идеологии, ценности которой в свете глобальных событий теряют свою былую значимость. Одним из следствий такой смены ориентиров развития является наметившийся возврат государств и наций к своим традиционным ценностям, что не может не отражаться и на праве»¹. Очевидно, что, говоря о кризисе либеральной идеологии и распространении популизма, В.Д. Зорькин обращается к идентичности как категории социально-психологической, а не правовой, а стало быть, рассматривает ее в индивидуальном смысле.

Проблема смешения понятий, на наш взгляд, коренится в том, что английское слово *identity*, которое без перевода заимствуется в русскоязычных текстах, обозначает не только собственно идентичность или тождественность, но и «личность», «индивидуальность»². В связи с этим корректно было бы в

¹ Зорькин В.Д. Конституционная идентичность России: доктрина и практика: Выступление Председателя КС РФ // Конституционный Суд Российской Федерации: офиц. сайт. URL: <http://www.ksrf.ru/ru/News/Speech/Pages/ViewItem.aspx?ParamId=82> (дата обращения: 10.05.2021).

² Cambridge Free English Dictionary and Thesaurus. URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english-russian/identity> (дата обращения: 10.05.2021).

политологических и юридических исследованиях использовать термин «конституционная индивидуальность государства» (или «конституционная личность государства»). Внимание на такую терминологическую путаницу обращает и Т.И. Ряховская, которая пишет: «При обращении же к Договору (речь о Маастрихтском договоре. – А. Б., Е. К., С. Н.) на английском языке обнаруживается термин “*national identities*”, который дословно переводится как “национальные идентичности” (а не “национальная индивидуальность”). Это, вероятно, и ввело в замешательство отечественную государственно-правовую мысль, в которой конституционная идентичность воспринимается как нечто особенное, присущее только конкретному государству, что совершенно не соответствует переводу термина “*identities*”, означающего “тождество”» [3, с. 34].

То же происходит и с переводом на русский язык понятия *national identity*. В связи с тем, что «в мировой научной литературе и международной политической традиции распространена так называемая этатистская трактовка термина “нация”, когда под нацией понимают совокупность граждан (жителей) одного государства» [4, с. 20] и когда «нация» по существу выступает синонимом национального государства, национальная идентичность может быть приравнена к государственной идентичности.

В свете этого четкого разграничения требуют понятия конституционной идентичности государства и конституционной идентичности гражданина (или социальной группы). В первом случае, как мы уже говорили, под конституционной идентичностью следует понимать конституционную индивидуальность (самобытность) государства как такую его качественную характеристику, которая позволяет государству, вступая в отношения с иными государствами и надгосударственными образованиями, сохранять свою субъектность. Конституционный Суд РФ в своих правовых позициях вскользь касается вопроса содержания или структуры конституционной идентичности государства, отмечая, что базовыми ее элементами

являются внутригосударственные нормы о фундаментальных правах, а также гарантирующие эти права нормы об основах конституционного строя³.

Как известно, особенно активно концепция конституционной идентичности применяется для построения аргументации в спорах, возникающих между национальными судебными инстанциями и судами наднациональных образований. Примечательно в этом смысле мнение А. Бланкенегеля: «Употребляя институт и понятие “конституционной идентичности” в смысле невозможности исполнения... решения, национальные конституционные суды вводят адресатов своего судебного решения... в заблуждение. Они легитимируют свое решение ссылками на результаты психологии и социологии. На самом деле суды... искажают смысл данной психологической и социологической концепции» [5, с. 62].

Конституционная идентичность индивида или социальной группы проявляется как вид социальной идентичности, основанной на отождествлении себя с согражданами или государством. При этом, как отмечает Г.Дж. Джейкобсон, «конституционная идентичность – это политическое построение, призванное выразить в правовых категориях опыт, цели и приверженности общества и становящееся или не становящееся реальностью в зависимости от действий тех, на кого распространяется данная конституция» (цит. по: [6, с. 58]).

В этом случае, наверное, можно считать конституционную идентичность одним из проявлений частных случаев государственной идентичности граждан, поскольку конституция здесь выступает не только как форма юридической фиксации социально значимых ценностей, но в первую очередь как государственный символ [7, с. 6]. Конституция как основной закон государства и отправная точка в развитии всей национальной правовой системы, вне всякого сомнения, является центральным символом правовой идентичности нации. Конституционная идентичность и государственная идентичность граждан вообще используется в целях социального управления.

³ Постановление Конституционного Суда РФ от 14 июля 2015 г. № 21-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 1 Федерального закона “О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней”, пунктов 1 и 2 статьи 32 Федерального закона “О международных договорах Российской Федерации”, частей первой и четвертой статьи 11, пункта 4 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 13,

пункта 4 части 3 статьи 311 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 15, пункта 4 части 1 статьи 350 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и пункта 2 части четвертой статьи 413 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2015. № 30. Ст. 4658.

По мысли М.В. Рубцовой и А.Г. Саниной, «государственная идентичность является фактором консолидации вокруг интересов страны, поэтому степень ее укорененности в сознании и действиях граждан – залог политической, духовной консолидации, единства общества» [8, с. 87–88].

Итак, конституционная идентичность граждан и конституционная идентичность (индивидуальность) государства не тождественны, при этом они теснейшим образом связаны, поскольку восходят к одним и тем же ценностным установкам и фактически конструируются одним и тем же субъектом.

Конституционная идентичность государства формируется на основе социальных ценностей, получающих юридическое закрепление в виде правовых норм в нормативных актах, в первую очередь в конституции. Но сами по себе эти социальные ценности не абстрактны, они возникают в национальной культуре и легитимируются самой жизнью нации. А.Н. Мочалов, рассуждая о механизмах формирования группой этнической идентичности, отмечает: «Когда люди, отождествляющие себя с другим на основе одного или нескольких культурных маркеров, обнаруживают друг у друга наличие общих интересов, обусловленных общими ценностями, такие интересы начинают восприниматься как консолидированный интерес всей этнической общности и служат основой для коллективных действий, в частности для выдвижения групповых притязаний» [9, с. 82].

Теория идентичностей получила активное развитие в XX в. Именно в этот период масштабных социальных кризисов и усиления тенденции глобализации идентичность как научная категория психологии привлекла внимание социологов, политологов и юристов. С точки зрения социальной психологии, можно рассматривать групповую идентичность как включенность личности в различные общности, подкрепленную субъективным ощущением внутреннего единства со своим социальным окружением [10, с. 36]. Американский социолог и политолог С. Хантингтон выделял следующие признаки идентичности:

- идентичность присуща не только отдельному индивиду, но и целой группе;
- идентичность есть конструкт;
- идентичность плюралистична, т. е. индивиды обладают множественными идентичностями;
- идентичность является результатом взаимодействия [11, с. 36].

Если, с одной стороны, как говорил С. Хантингтон, «идентичность – это то, что мы думаем о самих себе, то, к чему мы стремимся» [10, с. 38], а с дру-

гой – это результат сознательной деятельности того, кто эту идентичность конструирует, то идентичность всегда выступает средством социального управления и, что наиболее важно, средством внедрения, интериоризации социальных норм.

Государство, активно использующее механизмы убеждения, реализуя функцию обеспечения правопорядка, заинтересовано в конструировании идентичностей. Формирование государственной (конституционной) идентичности у граждан имеет по меньшей мере две значимые для государства цели. Единая государственная (конституционная) идентичность, предполагающая своеобразную социальную калибровку индивидов, во-первых, повышает степень управляемости коллектива, а во-вторых, она как более общая, универсальная идентичность позволяет снимать существующие внутренние противоречия, возникающие между представителями включенных групп, преодолевать таким образом межэтнические, межконфессиональные и иные межгрупповые социальные конфликты.

Таким образом, существует некоторый ценностно-идентичностный круговорот, в рамках которого идентичности как бы воспроизводят друг друга. Социальная жизнь такого многочисленного и сложного коллектива, как нация, формирует общие социальные ценности, которые впоследствии юридизируются и находят закрепление в конституции. Именно главные конституционно-правовые ценности формируют «фундамент структуры конституционно-правового концептуального пространства» [12, с. 9]. А конституция, по меткому выражению К.В. Арановского, «становится действительной благодаря тому, что ее вводят в состав убеждений, выражают в чувствах, мыслях, поступках, в своем образе жизни люди, вовлеченные в конституционную традицию» [13, с. 208]. Так формируется конституционная идентичность общества, нации. Устанавливая правила поведения в самых разных сферах, скрепляя мораль и право, культуру и идеологию, религию и современные фактические особенности государства, государство формирует конституционную идентичность, которая рассматривается в науке в качестве «моделей развития конституционно-правовых институтов в рамках международного опыта, так и познания национальных особенностей конституций и конституционно-правового регулирования» [14, с. 210]. Эта идентичность дает государству как субъекту международного права возможность заявлять о своей индивидуальности, т. е. уже постулировать конституционную идентичность государства. Обладая значи-

тельными организационными и информационными ресурсами, в том числе в рамках реализации образовательной политики, государство занимается воспитанием гражданственности и патриотизма и формирует (или укореняет) некоторые ценностные установки, которые затем в глубине социальной жизни нации вновь обнаруживают себя как устойчивые социальные ценности.

3. Виды трансформации конституционной идентичности и влияющие факторы современности

Конституционная идентичность государств не статична. Трансформация идентичности обусловливается изменениями в любом составном элементе. Такая трансформация может быть вынужденной, добровольной или смешанного типа (осознанно-ответной). Например, в последние пять лет была выявлена тенденция внесения изменений в конституции (Албания, Австрия, Бразилия, Грузия, Греция, Индия, Казахстан, Коста-Рика, Перу, Россия, Эквадор и др.). Для активного конституционного процесса XXI в. характерны две особенности: интенсивность изменений и разнонаправленность, поляризация целей и содержания конституционных реформ [15, с. 98]. Данные действия, инициируемые населением или органами власти, напрямую оказывают влияние на конституционную идентичность государства, закрепляя основные политические, общественные, экономические, культурные устои или корректируя их. По общему правилу, внесение изменений в конституцию является суверенным актом государства, а значит, трансформация, которая неизменно наступит в результате, будет являться добровольной. Если же действия по внесению изменений в конституцию страны были связаны с внешними факторами, например обоснованная и реальная угроза вторжения (нарушения границ), внешний подрыв основ конституционного строя, обороноспособности государства, или же связаны с юридически возложенными обязательствами, к примеру обязательное для государства решение межгосударственного органа, то следует полагать, что такие действия являются принудительными. В этом случае трансформация конституционной идентичности государства будет считаться вынужденной.

Смешанный тип трансформации идентичности отвечает всей сложности современных общественных отношений, когда любые изменения внешне могут быть поданы как добровольные, однако являться вынужденной мерой для преодоления конфликта. Примером такой осознанно-ответной трансформации конституционной идентичности может быть внесение

изменений в конституцию страны, но не с целью исполнить международное обязательство, а обойти таковое, опираясь на национальные интересы и конституционные ценности. Или изменить внутригосударственную политику по национальному или миграционному вопросу под давлением не открытого межнационального конфликта или международного сообщества (т. е. добровольно), но с учетом отдельно возникших межнациональных столкновений или существующих угроз, как принудительная, но своевременная реакция на явления в обществе.

Кроме того, необходимо отметить, что трансформация конституционной идентичности может быть спланированной и внезапной. В эволюционном аспекте конституционная идентичность развивается постоянно в текущей политической деятельности всех органов государства, а также в его обществе [16]. Развитие идентичности в результате выверенной политики выражается в установлении определенного политико-правового режима. Причем не обязательно, чтобы данная конституционная идентичность воспринималась населением страны и международными партнерами одинаково. Важнее, чтобы демонстрируемая конституционная идентичность государства соответствовала реальности. Хотя теория допускает, как было указано выше, прочтение конституционной идентичности как некой конструкции, к которой государство будет стремиться.

Внезапная трансформация – это, по общему счету, ответная реакция идентичности на некоторые факторы, очевидные и неочевидные. Дело в том, что даже точечное изменение, следуя эффекту бабочки, в последующем может стать первопричиной трансформации идентичности в целом. К примеру, пандемия коронавирусной инфекции стала очевидным и прямым фактором, который потребовал от государств изменений, корректировки, отклонений от привычного внутригосударственного регулирования. А вот отдельные научные открытия (изобретение колеса, автоматизация производства, изобретение электронно-вычислительных машин, распространение Интернета) только спустя некоторое время, определяющее технический прогресс, могут оказать влияние на конституционную идентичность государства.

В этой связи перечислить все факторы воздействия на материю идентичности государства не представляется возможным – их миллионы, и не все из них явные. Но современный период позволяет отнести к вызовам современности следующие явления: глобализация, интеграция и антиглобализм, цифровизация, кризисы человечества.

3.1. Глобализация, интеграция и антиглобализм

Вопросы глобализации являются едва ли не первостепенными в проблеме определения конституционной идентичности. Глобализация, как и антиглобализм, одновременно выступают причиной, предпосылками и определяющим фактором трансформаций собственного «Я» государства. Европейские авторы одними из первых стали использовать термин национальной (конституционной) идентичности с целью положительной оценки существования Европейского Союза как ключевой конституционной особенности взаимодействия стран, а после – для критики указанной международной организации, ущемляющей реальную конституционную идентичность отдельно взятого государства-члена. Остается и третье прочтение, когда национальные суды используют «конституционную идентичность» как меч, орудуя им в разные стороны: от признания собственного суверенитета в отдельных вопросах до уступок наднациональным структурам или принятие их решений [17].

Л. Бесселинк, анализируя изменения в национальной (конституционной) идентичности стран Европейского Союза до и после заключения Лиссабонского договора 2007 г., отмечает, что вызовами на пути к интеграции, обусловленной глобализацией, стали мультикультурализм и евроскептицизм. Исторически европейская интеграция явилась ответом на нетерпимость между государствами: антагонизм между Германией и Францией, преодоление антидемократических режимов, сложившихся в начале XX в., например в Италии, Германии [18].

Именно при реализации интеграции прямо поднимается вопрос о конституционной идентичности. Решение может быть разным и отвечать определенному времени. Так, применительно к Европейскому Союзу Маастрихтский договор 1992 г. содержал положение ст. 6 (3) о том, что Союз уважает национальную идентичность государств-членов. В 2007 г. в ст. 4 (2) Лиссабонского договора сфера признания национальной идентичности стала шире, поскольку ее выявили в основополагающих политических и конституционных структурах, в том числе в области местного и регионального самоуправления, а также функциях государства, особенно тех, которые направлены на обеспечение его территориальной

целостности, на поддержание общественного порядка и на охрану национальной безопасности. Впрочем, заявленное уважение и признание не избавляет государства – членов Европейского Союза от проблемы, кто же определяет их конституционную идентичность и в каких пределах.

Европейский суд неоднократно ссыался в своем прецедентном праве на важность конкретных конституционных положений в государствах-членах, чтобы оправдать конкретное исключение или различие. Вместе с тем известны дела, когда Европейский суд подавлял конституционную идентичность государств, например в деле *Omega*. Европейский суд не признал законными действия властей в немецком Бонне, где были запрещены игры с лазерным оружием, когда одни люди понарошку убивают других для развлечения, на основании того, что игра противоречит человеческому достоинству, охраняемому законами Германии. Европейский суд указал на единообразное применение свободы услуг во всем Европейском Союзе и на то, что право Союза не препятствует экономической деятельности, состоящей из коммерческих игр, имитирующих акты убийства⁴.

В свою очередь, ряд государств (Франция, Германия, Польша, Венгрия) отстаивают определенную позицию в отношении содержания своей конституционной идентичности посредством органов конституционного контроля [19]. Наиболее показательное Лиссабонское решение Федерального конституционного суда Германии от 30 июня 2009 г., в котором было сформулировано национальное понимание интеграции. Интеграция предполагает готовность к совместным действиям и признание мнения, формируемого совместно, но не подчинения или отказа от собственной идентичности (п. 228 решения) [20, с. 48–49]. Ж. Стерк объясняет такую политику двойным намерением государств – членов Европейского Союза: определить себя в развивающемся процессе европейской интеграции и одновременно противопоставить собственную конституционную идентичность единообразию практики [21].

С аналогичными вопросами сохранения или утраты идентичности в процессе интеграции сталкиваются все государства, входящие в наднациональные объединения. В частности, создание БРИКС также стало причиной глобализации и ответом на нее. С одной стороны, государства сделали шаг к вза-

⁴ ECJ 14 October 2004, Case C-36/02, *Omega Spielhallen- und Automatenaufstellungs-GmbH v Oberbürgermeisterin der Bundesstadt Bonn*.

имодействию, невзирая на отсутствие в большинстве случаев общих границ и несопоставимую разницу в государственном строе каждого участника. С другой стороны, такое объединение отдельно договорившихся стран – вызов гегемонии конкретных политических сил на карте мира [22]. Еще раз подчеркнем, что каждая страна, состоящая в БРИКС, обладает узнаваемой и не схожей (до тождественности) с другими участниками объединения конституционной идентичностью. Данное обстоятельство социальной, экономической и правовой неоднородности стран должно быть оценено как положительный фактор для эволюции единой интегрированной структуры без подавления конституционной идентичности стран-участниц.

Антиглобализм также обладает силой влияния на содержание конституционной идентичности. Антиглобалисты полагают, что глобализация порождает неравенство стран, доминирование отдельных из них и господство отдельных идеологий. Соответственно, чем больше в стране влияние антиглобалистов, тем вероятнее принимаемые политические решения могут не совпадать с позицией международных органов и организаций.

В этой связи возникает злободневный вызов вторжения международного права в национальную правовую систему. В той или иной степени государства открывают свои юрисдикции международному праву, делясь частью суверенитета. Существуют различные примеры рецепции международного права на пути от монизма к дуализму [23]. Кроме того, ряд стран активно принимает на себя международные обязательства и стремится к их выполнению, являясь участниками универсальных и региональных международных организаций (большинство – страны Европейского Союза). В ст. 27 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г. (116 стран-участниц) уточняется, что нормы национального права не могут служить государству оправданием за невыполнение им договора. При этом государство вправе самостоятельно очертить границы влияния международных актов на правовую систему, применяя международно-правовое и внутригосударственное регулирование сообща в их взаимодействии и взаимодополнении. Для стран Европы также характерно следовать нормам «мягкого права», в частности рекомендациям Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ). То есть формально нормы отдельных деклараций, документов, принимаемых на наднациональном уровне, юридически носят рекомендательный характер. Несоблюдение норм

«мягкого права» не влечет санкций для государства. При этом такие нормы не лишены влияния на внутригосударственную практику, поскольку государство – участник той или иной организации стремится по большей части продемонстрировать международному сообществу добрую волю в исполнении рекомендаций.

Обратным примером могут служить Соединенные Штаты Америки, которые избегают участия в международных договорах, не возлагая на государство дополнительных обязанностей, что также определяет конституционную идентичность страны.

Два представленных различных подхода к интеграции значительно влияют на изменчивость конституционной идентичности, поскольку государства, вовлеченные в международно-правовые отношения, чаще склонны прибегать к вынужденной или добровольной трансформации собственной идентичности, в то время как страны, ведущие относительно автономную от международного сообщества политику, обладают определенным иммунитетом.

3.2. Универсализация конституционных ценностей

Следует признать наличие многообразия конституционных ценностей. Учитывая постоянное развитие конституционных текстов, вызванных политическими, экономическими, социальными условиями и потребностями, применение различных критериев для определения значимости ценностей, надо добавить, что любая классификация ценностей достаточно условна, учитывая возможность определения новых ценностей. Тем не менее вполне можно говорить о системе ценностей, в том числе конституционных. При наличии системы важным является вопрос сохранения баланса ценностей, локализации противоречий при оценке тех или других ценностей и определении верховенства одних ценностей над другими. Безусловно возможно выделение ценностей по видовому признаку. Так, по Конституции РФ в первую очередь следует выделить такую конституционную ценность, как человек, его права и свободы, что прямо предусмотрено ст. 2 и детализируется в самостоятельной главе. По мнению Г.А. Гаджиева, это высшая ценность, предполагающая и наличие других конституционных ценностей, и существование иерархически построенной системы конституционных ценностей [12]. Необходимо выделение ценностей, определяющих основы конституционного строя России, учитывая приоритет норм гл. 1 Конституции (ст. 16), ценностей, которые перечислены в преамбуле Конституции РФ, но при этом не повторяются в нормативных поло-

жениях самого конституционного текста, ценностей, закрепленных в последующих положениях Конституции. По итогам конституционной реформы 2020 г. выделяют 45 дополнительно включенных в текст Конституции РФ конституционных ценностей, вызванных изменениями системного характера глобальных вызовов в мире [24].

Таким образом, каждое государство определяет для себя свой перечень ценностей исходя из государственного устройства, политического режима, формы правления, отношения к религии, других характеристик. В связи с этим сложно для разных государств предложить универсальные конституционные ценности в разных сферах. Тем не менее в условиях глобализации, развития механизмов защиты, в частности прав человека, международное сообщество стремится к оптимизации ценностей, их универсализации.

Признавая разнообразие конституционных ценностей, наличие их целой системы, существенным остается вопрос их соотношения, внутренней иерархии, взаимодействия ценностей, определения приоритета одних ценностей над другими. Принимая во внимание практику Европейского Суда по правам человека, решения Конституционного Суда РФ, необходимо констатировать, что суды не определяют верховенство конкретных ценностей при разрешении спора (при наличии конкуренции ценностей). Они лишь определяют приоритет конкретной ценности в конкретных правоотношениях.

Разноуровневая интеграция государств, а также деятельность межгосударственных органов может породить универсализацию конституционных ценностей. К примеру, наднациональные органы (Европейский суд) разрабатывают общие, применимые ко всем странам конституционные традиции и принципы для формирования особой культуры. Вместе с тем такая универсализация существенно ограничивает конституционную идентичность государства, поскольку в первую очередь конституционные ценности определяются самим государством, в том числе путем официального толкования норм конституции органом конституционного контроля [25, с. 108]. Последнее, однако, не исключает приверженности государства международно-правовым положениям. В этом случае государство будет готово принять предлагаемые конституционные ценности, адаптируя их под национальные ценности.

3.3. Кризисы и пандемия

Кризисы и другие стагнирующие этапы исторического, социального, политического, экономиче-

ского развития – очевидные факторы, влияющие на трансформацию конституционной идентичности государства. По общему правилу, любые кризисы (от энергетического до эпидемиологического) активизируют деятельность органов и населения государства, направленную на поиск новых стратегий борьбы с кризисом, а значит – развития [26, с. 403]. Нельзя не отметить закономерность, согласно которой интерес к конституционной идентичности возрастает в условиях кризисов. К примеру, 2008–2012 гг. связывают с финансовым кризисом. Государствам для преодоления девальвации национальной валюты потребовалось менять конституционные стратегии в вопросах экономики, вынужденно взаимодействовать с международными структурами (кредитование Греции), восстанавливать банковскую систему (Кипр).

Миграционный кризис, связанный с массовым притоком беженцев из африканских и ближневосточных государств в 2015–2016 гг., отразился на изменении политики стран Европы и дифференцировал подходы стран к разрешению этого кризиса. Одни страны продолжают следовать принципу возможных конституционных трансформаций, поддерживая принцип толерантности – одной из ключевых целей создания Европейского Союза. Такие страны перестроились на лояльную миграционную политику. Часть из них, например Германия, требует схожей политики от других государств – членов организации. В то же время некоторые страны (Венгрия, Швеция) закрывали свои границы, тем самым выдвигая собственную конституционную идентичность от Европейского Союза. Греция, Италия, столкнувшись с непропорциональным распределением мигрантов, искали помощи у других стран.

В настоящее время миграционный кризис не утратил своей актуальности. В этой связи в Великобритании разработан план по радикальному изменению правил предоставления убежища для уменьшения числа нелегальных переселенцев. Лидеры влиятельных партий Франции высказываются о необходимости отказа от ряда статей Европейской конвенции по правам человека 1950 г., чтобы вести независимую политику и реально обеспечить безопасность государству и населению. А Европейская комиссия предложила революционное изменение миграционного законодательства Европейского Союза – упразднить Дублинское соглашение, согласно положениям которого ответственность за размещение мигрантов несет то государство, границы которого мигранты пересекли первично.

Наконец, текущий эпидемиологический кризис, касающийся распространения коронавирусной инфекции, внес свои коррективы в конституционную идентичность государств. Примерами проявлений такой трансформации может стать закрытие границ, полное или частичное – с отдельными государствами; внесение изменений в национальное законодательство, согласно которым пересматриваются вопросы о мерах, допустимых для реализации государством с целью обеспечения жизни и здоровья населения. Ряд государств менял методы государственного управления, чтобы провести целый комплекс необходимых карантинных мер и остановить распространение эпидемии на территории государства – одни вводили строгие ограничения конституционных прав (Италия, Испания, Германия), другие отказывались от таких мер, ориентируясь на консервацию текущей конституционной идентичности (Швеция, Беларусь, Мексика) [27, с. 70].

Таким образом, не каждое государство оказалось готовым к изменению объективной правовой реальности. Те же государства, что решились на изменения, вызванные необходимостью борьбы с пандемией, встали на долгий путь создания и популяризации новых правовых институтов, среди которых самоограничение прав человека, компенсация падений доходов населения и экономики в целом, эффективное и дистанционное (по-настоящему «открытое») правительство, смена национальных проектов (от военных к проектам поддержки здравоохранения).

3.4. Научно-промышленные достижения

Технологические достижения, научно-промышленные революции прямо или косвенно могут оказывать воздействие на трансформацию конституционной идентичности. Ярким примером может служить российская государственность, которая с XIX в. по наши дни столкнулась с тремя вариантами индустриализации страны. Каждый социально-экономический переход осуществлялся в параметрах соответствующего политико-правового режима [28]. Действующий политико-правовой режим, в свою очередь, определяет уровень восприимчивости к современным технологиям, скорость их адаптации в системе государства, распространения новейших достижений, их доступность среди населения или, напротив, отказ от таких достижений, постепенное принятие.

Существует немало подходов к подсчету научно-промышленных революций, но во главе каждого из предложенных стоит некоторое открытие. Сегодня принято говорить о четвертой научно-технической революции, связанной с цифровизацией. В условиях текущей научно-технической революции

общественная жизнь уходит в виртуальные (облачные) структуры, осуществляется переход к мобильности. Государство и население всё чаще руководствуются ситуативной стратегией и тактикой социальных и политических действий. Соответственно и всякий выбор целей и средств их достижения становится ситуативно-зависимым. Современный миропорядок зависит от постоянно меняющейся сети информационных, ресурсных, социальных и иных связей [29]. В этой связи возникает необходимость трансформации управления (правового регулирования) большого блока общественных отношений: от принятия суверенного сетевого пространства всего государства до защиты цифрового следа человека.

Схожим образом влияние на конституционную идентичность оказывают отдельные технологические прорывы. К примеру, разработка таких технологий, как биопечать, редактирование геномов посредством CRISPR, создание химер человека и животного, приводит к возникновению как социально-экономических, так и этико-юридических проблем. Вторым примером предложим развитие робототехники с использованием искусственного интеллекта (беспилотные летательные аппараты, самоуправляемые автомобили и техника – автоматические помощники по дому). В 2017 г. Европарламент принял резолюцию о гражданско-правовых нормах, касающихся робототехники. В России в этот же период разрабатывался законопроект «О внесении изменений в Гражданский кодекс Российской Федерации в части совершенствования правового регулирования отношений в области робототехники» [30]. Очевидно, что сама возможность функционирования робота в пространстве человека порождает необходимость как системного законодательного регулирования в области робототехники, так и, возможно, изменение национальных интересов, традиций населения, если рассматривать масштабный вариант влияния.

4. Заключение

На настоящем этапе развития доктрины, невзирая на растущее количество трудов, посвященных представленной теме, сложно утверждать о сформированном едином учении или подходе к конституционной идентичности государства. Отсутствует конкретизация термина, существует замещение понятий «индивидуальности» (самобытности) и «идентичности» (универсальности), хотя индивидуальное и универсальное в обычном прочтении обладают противоположными значениями [31]. Обобщение конституционных ценностей встречает противодействие, но этот факт не исключает гармонизации и даже универсализации законодательства и исполне-

ние решений международных органов. Действительно, при изучении явления «идентичности» возникает немало вопросов, включая практические о поиске баланса между национальными и международными интересами, о влиянии национальных традиций на идентичность и возможном фактическом расхождении национальных интересов с собственным «Я» государства, о выработке основных моделей конституционной идентичности.

Однако вместе с тем не представляется возможным зафиксировать конституционную идентичность государства в некотором шаблоне, поскольку идентичность подвижна, изменчива, нестабильна. Приведенные примеры отдельных вызовов современности

наглядно демонстрируют трансформацию идентичности: добровольную, вынужденную или осознанно-ответную, спланированную или внезапную. Способность к трансформации, в том числе обусловленную внешними факторами (кризисами и достижениями человечества), международными обязательствами, составляет важный признак конституционной идентичности государства. Государству в лице его органов власти и населения нужно принять данную трансформационную особенность своей идентичности и при выработке внутригосударственной или международной политики закладывать риски трансформации, ее последствия и возможные решения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Боков Ю. А. Принципы аксиологического подхода и проблема совершенствования конституционного законодательства / Ю. А. Боков, Е. Г. Васильева // Вестник ВолГУ. Серия 5. Юриспруденция. – 2014. – № 2 (23). – С. 69–74.
2. Блохин П. Д. Судебная доктрина конституционной идентичности: генезис, проблемы, перспективы / П. Д. Блохин // Сравнительное конституционное обозрение. – 2018. – № 6. – С. 62–81. – DOI: 10.21128/1812-7126-2018-6-62-81.
3. Ряховская Т. И. Преемственность в конституционном праве в контексте конституционной самобытности / Т. И. Ряховская // Журнал российского права. – 2021. – Т. 25, № 2. – С. 30–44. – DOI: 10.12737/jrl.2021.017.
4. Кокотов А. Н. Русская нация и российская государственность / А. Н. Кокотов. – Екатеринбург : Изд-во УрГЮА, 1994. – 126 с.
5. Бланкенагель А. «Призрак бродит по решениям европейских конституционных судов»: что делать с конституционной идентичностью? / А. Бланкенагель // Сравнительное конституционное обозрение. – 2018. – № 5. – С. 42–64. – DOI: 10.21128/1812-7126-2018-5-42-64.
6. Троицкая А. Экспрессивный и функциональный потенциал конституционных устремлений / А. Троицкая, Т. Храмова // Сравнительное конституционное обозрение. – 2018. – № 1. – С. 54–79. – DOI: 10.21128/1812-7126-2018-1-54-79.
7. Батулин Ю. Конституция как инсигния и символ правового порядка / Ю. Батулин // Сравнительное конституционное обозрение. – 2007. – № 1. – С. 4–7.
8. Рубцова М. В. Государственная идентичность как фактор управляемости современным обществом / М. В. Рубцова, А. Г. Санина // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2012. – Т. 15, № 3. – С. 86–97.
9. Мочалов А. Н. Советская аномалия или европейская закономерность? Размышления о природе этнического (многонационального) федерализма / А. Н. Мочалов // Российское право: образование, практика, наука. – 2020. – № 1. – С. 79–89. – DOI: 10.3476/2410-2709-2020-1-79-89.
10. Кондаков И. В. Цивилизационная идентичность в переходную эпоху: культурологический, социологический и историко-социологический аспекты / И. В. Кондаков, К. Б. Соколов, Н. А. Хренов. – М. : Прогресс-Традиция, 2011. – 1023 с.
11. Гобозов И. А. Государство и национальная идентичность: глобализация или интернационализация / И. А. Гобозов. – М. : ЛИБРОКОМ, 2013. – 198 с.
12. Гаджиев Г. А. Конституционно-правовое концептуальное пространство и его ценности / Г. А. Гаджиев // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2012. – № 2. – С. 3–16.
13. Арановский К. В. Конституционная традиция в российской среде / К. В. Арановский. – СПб. : Юридический центр Пресс, 2003. – 690 с.
14. Кравец И. А. Телеологический конституционализм, конституционная идентичность и публичный порядок (научное знание, российский, сравнительный и международный контексты) / И. А. Кравец // Вестник Томского государственного университета. – 2019. – № 439. – С. 202–215. – DOI: 10.17223/15617793/439/28.

15. Филиппова Н. А. Национальная идентичность в евразийском контексте: особенности российской конституционной реформы 2020 года / Н. А. Филиппова // Вестник Сургутского государственного университета. – 2020. – № 2 (28). – С. 95–107.
16. Jacobsohn G. Constitutional Identity / G. Jacobsohn // *The Review of Politics*. – 2006. – Vol. 68, iss. 3. – P. 361–397.
17. National Constitutional Identity and European Integration / eds. A. Saiz Arnaiz & C. Alcobarro Llivina. – Cambridge, Antwerp, Portland : Intersentia, 2013. – xii, 326 p.
18. Besselink L.F.M. National and Constitutional Identity Before and After Lisbon // *Utrecht Law Review*. – 2010. – Vol. 6, iss. 3. – P. 36–49. – DOI: 10.18352/ulr.139.
19. Kucherenko P. The concept of constitutional identity as a legal argument in constitutional judicial practice / P. Kucherenko, E. Klochko // *Russian Law Journal*. – 2019. – Vol. 7, no. 4. – P. 99–124. – DOI: 10.17589/2309-8678-2019-7-4-99-124.
20. Васильева Т. А. Суд ЕС и конституционные суды государств – членов Европейского союза в поисках конституционной идентичности / Т. А. Васильева // Труды Института государства и права РАН. – 2019. – Т. 14, № 2. – С. 32–58.
21. Sterck J. Expressing Sovereignty in the European Union: An Irish Perspective on Constitutional Identity : UCD Working Papers in Law, Criminology & Socio-Legal Studies, Research Paper No. 03061213. – Dec. 6, 2013. – 22 p. – URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2439204 (дата обращения: 22.05.2021).
22. Zakharova M. Experiences of legal integration and reception by the BRICS countries: five passengers in a boat (without a dog) / M. Zakharova, V. Przhilenskiy // *BRICS Law Journal*. – 2018. – Vol. 5, no. 2. – P. 4–23. – DOI: 10.21684/2412-2343-2018-5-2-4-23.
23. Анисимов В. Ф. Вторжение международного права в национальную правовую систему / В. Ф. Анисимов, Ю. В. Трунцевский // *Правоприменение*. – 2021. – Т. 5, № 1. – С. 40–57. – DOI: 10.24147/2542-1514.2021.5(1).40-57.
24. Саликов М. С. Конституционные ценности на новом этапе развития Основного закона Российской Федерации / М. С. Саликов, М. В. Гончаров // *Herald of the Euro-Asian Law Congress*. – 2020. – № 1. – С. 60–68.
25. Невинский В. В. Сущность и универсализация конституционных ценностей в современном обществе / В. В. Невинский // *Lex Russica*. – 2018. – № 11 (144). – С. 106–121. – DOI: 10.17803/1729-5920.2018.144.11.106-121.
26. Хабриева Т. Я. Конституционная реформа в России: в поисках национальной идентичности / Т. Я. Хабриева // Вестник Российской академии наук. – 2020. – Т. 90, № 5. – С. 403–414. – DOI: 10.31857/S0869587320050035.
27. Лунгу Е. В. Пандемия COVID-19. Новый вызов конституционным отношениям / Е. В. Лунгу // *Правоприменение*. – 2020. – Т. 4, № 3. – С. 69–75. – DOI: 10.24147/2542-1514.2020.4(3).69-75.
28. Бутаков А. В. Российская государственность. 2017 / А. В. Бутаков // *Правоприменение*. – 2017. – Т. 1, № 3. – С. 15–24. – DOI: 10.24147/2542-1514.2017.1(3).15-24.
29. Яницкий О. Н. Четвертая научно-техническая революция, глобализация и институты / О. Н. Яницкий // Научный результат. Социология и управление. – 2018. – Т. 4, № 2. – С. 45–57.
30. Гаджиев Г. А. Может ли робот быть субъектом права? (поиск правовых форм для регулирования цифровой экономики) / Г. А. Гаджиев, Е. А. Войниканис // *Право. Журнал Высшей школы экономики*. – 2018. – № 4. – С. 24–48.
31. Аничкин Е. С. «Конституционная идентичность»: к вопросу о конкретизации термина / Е. С. Аничкин, Т. И. Ряховская // Вестник Томского государственного университета. – 2019. – № 446. – С. 196–201. – DOI: 10.17223/15617793/446/25.

REFERENCES

1. Bokov Yu.A., Vasilyeva E.G. Principles of the axiological approach and the problem of improving constitutional legislation. *Vestnik VolGU. Seriya 5. Yurisprudentsiya = Bulletin of the Volga State University. Series 5. Jurisprudence*, 2014, no. 2, pp. 69–74. (In Russ.).
2. Blokhin P.D. Judicial doctrine of constitutional identity: genesis, problems, prospects. *Sravnitel'noe konstitucionnoe obozrenie = Comparative Constitutional Review*, 2018, no. 6, pp. 62–81. DOI: 10.21128/1812-7126-2018-6-62-81. (In Russ.).
3. Ryakhovskaya T.I. Continuity in constitutional law in the context of constitutional identity. *Zhurnal rossiiskogo prava = Journal of Russian Law*, 2021, vol. 25, no. 2. pp. 30–44. DOI: 10.12737/jrl.2021.017. (In Russ.).
4. Kokotov A.N. *The Russian nation and Russian statehood*. Yekaterinburg, Ural State Legal Academy Publ., 1994. 126 p. (In Russ.).

5. Blankenagel A. "A ghost haunts the decisions of the European Constitutional courts": what to do with the constitutional identity? *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie = Comparative Constitutional Review*, 2018, no. 5, pp. 42–64. DOI: 10.21128/1812-7126-2018-5-42-64. (In Russ.).
6. Troitskaya A., Khramova T. Expressive and functional potential of constitutional aspirations. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie = Comparative Constitutional Review*, 2018, no. 1, pp. 54–79. DOI: 10.21128/1812-7126-2018-1-54-79. (In Russ.).
7. Baturin Yu. The Constitution as an insignia and a symbol of the legal order. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie = Comparative Constitutional Review*, 2007, no. 1, pp. 4–7. (In Russ.).
8. Rubtsova M.V., Sanina A.G. State identity as a factor of manageability of modern society. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii = Journal of Sociology and Social Anthropology*, 2012, vol. 15, no. 3, pp. 86–97. (In Russ.).
9. Mochalov A.N. Soviet anomaly or European regularity? Reflections on the nature of ethnic (multinational) federalism. *Rossiiskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka = Russian law: education, practice, science*, 2020, no. 1, pp. 79–89. DOI: 10.3476/2410-2709-2020-1-79-89. (In Russ.).
10. Kondakov I.V., Sokolov K.B., Khrenov N.A. *Civilizational identity in the transitional era: cultural, sociological and art-historical aspects*. Moscow, Progress-Traditsiya Publ., 2011. 1023 p. (In Russ.).
11. Gobozov I.A. *The state and national identity: globalization or internationalization*. Moscow, LIBROKOM Publ., 2013. 198 p. (In Russ.).
12. Gadzhiev G.A. Constitutional and legal conceptual space and its values. *Pravo. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki = Law. Journal of the Higher School of Economics*, 2012, no. 2, pp. 3–16. (In Russ.).
13. Aranovsky K.V. *Constitutional tradition in the Russian environment*. St. Petersburg, Yuridicheskii tsentr Press Publ., 2003. 690 p. (In Russ.).
14. Kravets I.A. Teleological constitutionalism, constitutional identity and public law and order (scientific knowledge, Russian, comparative and international contexts). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Tomsk State University*, 2019, no. 439, pp. 202–215. DOI: 10.17223/15617793/439/28. (In Russ.).
15. Filippova N.A. National identity in the Eurasian context: features of the Russian Constitutional reform in 2020. *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Surgut State University*, 2020, no. 2 (28), pp. 95–107. (In Russ.).
16. Jacobsohn G. Constitutional Identity. *The Review of Politics*, 2006, vol. 68, iss. 3, pp. 361–397.
17. Saiz Arnaiz A., Alcobarro Llivina C. (eds.). *National Constitutional Identity and European Integration*. Cambridge, Antwerp, Portland, Intersentia Publ., 2013. xii + 326 p.
18. Besselink L.F.M. National and Constitutional Identity Before and After Lisbon. *Utrecht Law Review*, 2010, vol. 6, iss. 3, pp. 36–49. DOI: 10.18352/ulr.139.
19. Kucherenko P., Klochko E. The concept of constitutional identity as a legal argument in constitutional judicial practice. *Russian Law Journal*, 2019, vol. 7, no. 4, pp. 99–124. DOI: 10.17589/2309-8678-2019-7-4-99-124.
20. Vasilyeva T.A. The Court of justice and the constitutional courts of the member States of the European Union in search of the constitutional identity. *Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN = Proceedings of the Institute of state and law of RAS*, 2019, vol. 14, no. 2, pp. 32–58. (In Russ.).
21. Sterck J. *Expressing Sovereignty in the European Union: An Irish Perspective on Constitutional Identity*, UCD Working Papers in Law, Criminology & Socio-Legal Studies, Research Paper No. 03061213. Dec. 6, 2013. 22 p. Available at: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2439204 (accessed date: May 22, 2021).
22. Zakharova M., Przhilenskiy V. Experiences of legal integration and reception by the BRICS countries: five passengers in a boat (without a dog). *BRICS Law Journal*, 2018, Vol. 5, no. 2, pp. 4–23. DOI: 10.21684/2412-2343-2018-5-2-4-23.
23. Anisimov V.F., Truntsevskiy Yu.V. Intrusion of international law into the national legal system. *Pravoprime-nie = Law Enforcement Review*, 2021, vol. 5, no. 1, pp. 40–57. DOI: 10.24147/2542-1514.2021.5(1).40-57. (In Russ.).
24. Salikov M.S., Goncharov M.V. Constitutional values at a new stage of development of the Basic Law of the Russian Federation. *Herald of the Euro-Asian Law Congress*, 2020, no. 1, pp. 60–68. (In Russ.).
25. Nevinsky V.V. The essence and universalization of constitutional values in modern society. *Lex Russica*, 2018, no. 11 (144), pp. 106–121. DOI: 10.17803/1729-5920.2018.144.11.106-121. (In Russ.).
26. Khabrieva T.Ya. Constitutional reform in Russia: in search of national identity. *Vestnik Rossiiskoi akademii nauk = Bulletin of the Russian Academy of Sciences*, 2020, vol. 90, no. 5, pp. 403–414. DOI: 10.31857/S0869587320050035. (In Russ.).

27. Lungu E.V. COVID-19 pandemic. New challenge for constitutional relations. *Pravoprименenie = Law Enforcement Review*, 2020, vol. 4, no. 3, pp. 69–75. DOI: 10.24147/2542-1514.2020.4(3).69-75. (In Russ.).

28. Butakov A.V. The Russian statehood. 2017. *Pravoprименenie = Law Enforcement Review*, 2017, vol. 1, no. 3, pp. 15–24. DOI: 10.24147/2542-1514.2017.1(3).15-24. (In Russ.).

29. Yanitsky O.N. The fourth scientific and technical revolution, globalization and institutions. *Nauchnyi rezul'tat. Sotsiologiya i upravlenie = Scientific result. Sociology and management*, 2018, vol. 4, no. 2, pp. 45–57. (In Russ.).

30. Gadzhiev G.A., Voynikanis E.A. Can a robot be a subject of law? (search for legal forms for regulating the digital economy). *Pravo. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki = Law. Journal of the Higher School of Economics*, 2018, no. 4, pp. 24–48. (In Russ.).

31. Anichkin E.S., Ryakhovskaya T.I. "Constitutional identity": on the question of concretization of the term. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Tomsk State University*, 2019, no. 446, pp. 196–201. DOI: 10.17223/15617793/446/25. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Блещик Александр Владимирович – кандидат юридических наук, преподаватель кафедры конституционного права
Уральский государственный юридический университет
620137, Россия, г. Екатеринбург, ул. Комсомольская, 21
E-mail: bleszczyk@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-9166-4432
SPIN-код РИНЦ: 2386-2700; AuthorID: 1105849

Калинина Екатерина Геннадьевна – кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры конституционного права
Уральский государственный юридический университет
620137, Россия, г. Екатеринбург, ул. Комсомольская, 21
E-mail: catherinekalinina@gmail.com
ORCID: 0000-0002-6483-9556
SPIN-код РИНЦ: 7007-3940; AuthorID: 961063

Несмеянова Светлана Эдуардовна – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного права
Уральский государственный юридический университет
620137, Россия, г. Екатеринбург, ул. Комсомольская, 21
E-mail: nesmeyanova@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-7640-9839
SPIN-код РИНЦ: 5954-0751; AuthorID: 394566

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Блещик А.В. Трансформация конституционной идентичности государства в условиях вызовов современности / А.В. Блещик, Е.Г. Калинина, С.Э. Несмеянова // *Правоприменение*. – 2021. – Т. 5, № 3. – С. 87–100. – DOI: 10.52468/2542-1514.2021.5(3).87-100.

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Aleksandr V. Bleshchik – PhD in Law, lecturer, Department of Constitutional Law
Ural State Law University
21, Komsomol'skaya ul., Yekaterinburg, 620137, Russia
E-mail: bleszczyk@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-9166-4432
RSCI SPIN-code: 2386-2700; AuthorID: 1105849

Ekaterina G. Kalinina – PhD in Law, senior lecturer, Department of Constitutional Law
Ural State Law University
21, Komsomol'skaya ul., Yekaterinburg, 620137, Russia
E-mail: catherinekalinina@gmail.com
ORCID: 0000-0002-6483-9556
RSCI SPIN-code: 7007-3940; AuthorID: 961063

Svetlana E. Nesmeyanova – Doctor of Law, Professor; Professor, Department of Constitutional Law
Ural State Law University
21, Komsomol'skaya ul., Yekaterinburg, 620137, Russia
E-mail: nesmeyanova@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-7640-9839
RSCI SPIN-code: 5954-0751; AuthorID: 394566

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Bleshchik A.V., Kalinina E.G., Nesmeyanova S.E. Transformation of constitutional identity due to contemporary challenges. *Pravoprименenie = Law Enforcement Review*, 2021, vol. 5, no. 3, pp. 87–100. DOI: 10.52468/2542-1514.2021.5(3).87-100. (In Russ.).